

Научная статья. Исторические науки

УДК 327(5)

DOI: 10.31696/2072-8271-2027-1-1-70-073-085

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ В АТЭС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Светлана Александровна БОКЕРИЯ ¹,

Полина Александровна ГЛЕБОВА ²

^{1,2} РУДН, Москва, Россия

¹ bokeria_sa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9052-4363>

² 1132233908@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2611-2422>

Аннотация: В статье исследуется эволюция и современное состояние сотрудничества Китая в рамках АТЭС. Актуальность проблематики обусловлена возрастающей ролью Китая как одного из ключевых акторов форума и его вкладом в формирование регионального экономического порядка. В работе рассматриваются ключевые направления сотрудничества: экономическая интеграция, цифровая трансформация, технологическое развитие и институциональное строительство. Особое внимание уделяется анализу современных приоритетов китайской политики в АТЭС, включая продвижение принципов открытости, инклюзивного развития и многостороннего сотрудничества. Исследование показывает, как Китай, начиная с адаптационного периода, превратился в системообразующий фактор развития форума, активно продвигая собственные инициативы и формируя новые стандарты регионального взаимодействия.

Ключевые слова: АТЭС, Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион, экономическая интеграция, многостороннее сотрудничество, цифровая экономика, региональное развитие, международная торговля, внешнеэкономическая политика

Для цитирования: Бокерия С.А., Глебова П.А. Приоритетные направления сотрудничества Китая в АТЭС: история и современность // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 73–85. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-073-085

Original article. Historical science

CHINA'S PRIORITY AREAS OF COOPERATION IN APEC: HISTORY AND PRESENT

Svetlana A. BOKERIYA ¹, Polina A. GLEBOVA ²

^{1,2} RUDN, Russia, Moscow,

¹ bokeria_sa@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9052-4363>

² 1132233908@pfur.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2611-2422>

Abstract: The article examines the evolution and current state of China's cooperation within APEC. The relevance of this topic stems from China's growing role as a key player in the forum and its contribution to shaping the regional economic order. The paper examines key areas of cooperation: economic integration, digital transformation, technological development, and institution building. Particular attention is paid to analyzing China's current policy priorities in APEC, including promoting the principles of openness, inclusive development, and multilateral cooperation. The study demonstrates how, starting from a period of adaptation, China has become a systemically important factor in the forum's development, actively promoting its own initiatives and shaping new standards of regional interaction.

Keywords: *APEC, China, Asia-Pacific region, economic integration, multi-lateral cooperation, digital economy, regional development, international trade, foreign economic policy*

For citation: Bokeriya S.A., Glebova P.A. China's Priority Areas of Cooperation in APEC: History and Present. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol 1, № 1 (70). Pp. 73-85. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-073-085

Роль Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в системе международных экономических отношений неуклонно возрастает, что наглядно подтверждается рекордными показателями торгово-экономического взаимодействия Китая с экономиками форума: в 2024 г. объём торговли КНР с партнёрами по АТЭС достиг 21,27 трлн юаней¹. Созданный в 1989 г. как механизм использования растущей взаимозависимости экономик региона, АТЭС трансформировался в один из ключевых форумов азиатско-тихоокеанского пространства, объединяющий 21 экономику с населением около 2,95 млрд человек и аккумулирующий порядка 62% мирового ВВП и 48% мировой торговли (по состоянию на 2021 г.)².

С момента вступления в АТЭС в 1991 г. КНР прошла путь от относительно сдержанного участника к одному из системообразующих акторов форума, что проявляется как в масштабах торговли, так и в институциональной и идейной активности. Актуальность настоящего исследования определяется совпадением сразу нескольких факторов: институциональным переходом АТЭС к этапу реализации долгосрочных ориентиров *Putrajaya Vision 2040*, усилением конкуренции моделей регионального экономического порядка в АТР и возрастанием роли

Китая как одного из ключевых источников инициативной и проектной активности в рамках форума. В этих условиях анализ эволюции приоритетов КНР в АТЭС позволяет выявить механизмы, посредством которых Пекин стремится институционально закрепить собственное видение регионального сотрудничества в условиях нарастающей фрагментации мировой экономики.

Причины и начальные этапы участия КНР в АТЭС

Присоединение Китайской Народной Республики к АТЭС стало результатом поэтапного институционально-политического процесса, разворачивавшегося в условиях трансформации регионального экономического порядка. В июле 1990 г. на Второй встрече министров АТЭС в Сингапуре была выражена поддержка одновременного присоединения КНР, Китайского Тайбэя и Гонконга³, а в октябре 1991 г. Китай подписал с АТЭС Меморандум о взаимопонимании, закрепивший формулу участия, основанную на принципе «одного Китая» и разграничении суверенных государств и региональных экономик. Фактическое включение КНР в институциональную структуру форума было оформлено участием китайской делегации в Третьей встрече министров АТЭС в Сеуле в ноябре 1991 г.

Для китайского руководства участие в АТЭС решало сразу несколько важных задач. С экономической точки зрения форум рассматривался как механизм мягкой адаптации внешней торговли КНР к мировым условиям в преддверии масштабных реформ 1990-х гг., а также как площадка для координации интересов с развивающимися экономиками региона, особенно в сферах развития человеческого капитала, науки и технологий, где Китай достаточно рано начал играть активную организационную роль. Политическое измерение участия было не менее значимым: после событий на площади Тяньаньмэнь и последовавшего охлаждения отношений с США и странами Европы АТЭС предоставил Пекину возможность частичного восстановления международной легитимности и поддержания диалога с ведущими державами АТР. Одновременно форум позволял КНР институционально закрепить принцип «одного Китая» через одновременное участие материкового Китая, Гонконга и Тайваня в разных статусах, а также использовать многосторонний формат для снижения напряжённости на фоне сохранявшихся территориальных споров в Восточно- и Южно-Китайском морях и развития регулярного китайско-американского политического диалога на высшем уровне.

После официального присоединения к АТЭС в 1991 г. Китайская Народная Республика рассматривала форум прежде всего как инструмент поэтапного включения в региональные экономические процессы и восстановления собственного международного имиджа. К моменту формирования АТЭС тарифные барьеры в регионе оставались относительно высокими (средний уровень 16,6% фиксируется для 1988 г.)⁴, при этом тарифная защита КНР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. была существенно выше средних параметров экономик форума⁵ и достигала более 40% в 1992 г. Встраиваясь в институциональную логику АТЭС, ориентированную на упрощение торговых и финансовых ограничений, китайское руководство в первой половине 1990-х гг. приступило к последовательной либерализации: были сокращены импортные квоты, снижены таможенные пошлины и частично пересмотрены механизмы государственного контроля за внешнеэкономической деятельностью. К концу 1997 г. средний уровень таможенного тарифа в КНР снизился примерно до 17%⁶, что свидетельствовало о существенном сближении с параметрами экономик АТЭС, хотя общий уровень открытости внешней торговли Китая в этот период по-прежнему оставался ниже среднерегиональных значений.

Качественно новым этапом институционального закрепления Китая в АТЭС стало принятие Богорской декларации на пятой встрече лидеров экономик форума в 1994 г. в Индонезии⁷. Документ зафиксировал стратегическую цель формирования зоны свободной торговли и инвестиций в АТР к 2010 г. для развитых и к 2020 г. для развивающихся экономик, к числу которых относилась и КНР. Это послужило началом усиленного процесса либерализации экономики Китая, упрощению внешнеторговых операций и снижению государственного регулирования экспорта и импорта. Китай все больше открывался внешнему миру и занимал более весомые позиции как в рамках АТЭС, так и за его пределами.

Во второй половине 1990-х гг. активность КНР в форуме начала смещаться в сторону научно-технического и экономико-технологического сотрудничества. В 1995 г. по инициативе Китая в Пекине было проведено первое Совещание министров АТЭС по вопросам регионального научно-технического сотрудничества, ставшее одновременно первым масштабным мероприятием форума, организованным на территории КНР⁸. В 1996 г. на четвертой встрече лидеров экономик АТЭС председатель Цзян Цзэминь выступил с программным докладом, в котором предложил создать сеть научно-технических промышленных парков АТЭС и выразил готовность Китая открыть часть своих

национальных научно-технических зон для углубления сотрудничества⁹. Итоги Оклендской встречи АТЭС 1999 г. зафиксировали общий акцент форума на приоритетном развитии экономико-технологического сотрудничества как одного из ключевых условий устойчивости регионального роста, что в значительной степени соответствовало интересам КНР. К этому моменту товарооборот между Китаем и другими экономиками АТЭС достиг 270,97 млрд долл. США. Вместе с тем, в 1990-е гг. участие КНР в АТЭС носило преимущественно адаптационный характер: Китай последовательно формулировал свои позиции и предложения, однако ещё не выдвигал масштабных инициатив, определяющих повестку форума, закладывая тем самым основу для более активной роли на последующих этапах.

Основные направления сотрудничества КНР в рамках АТЭС

В XXI веке деятельность Китайской Народной Республики в рамках АТЭС приобрела системный и многоуровневый характер, охватывая экономическую, технологическую, институциональную и идейную составляющие регионального сотрудничества. Одним из ключевых направлений стала повестка экономики знаний, инноваций и цифровой трансформации. В начале 2000-х гг. в АТЭС была институционально закреплена повестка «новой экономики»: в документах форума она трактуется через четыре базовых элемента — инновационную систему, развитие человеческого капитала, инфраструктуру ИКТ и благоприятную предпринимательскую среду¹⁰. Проведение саммита АТЭС в Шанхае в 2001 г., когда КНР впервые выступила в роли принимающей стороны, стало важным институциональным рубежом, позволившим Китаю укрепить связи с экономиками форума и расширить торгово-экономическое взаимодействие¹¹.

Практическим продолжением данного курса стало активное продвижение КНР цифровой и электронной повестки в рамках АТЭС. В октябре 2001 г. на Шанхайском саммите была представлена «Стратегия электронного АТЭС», предусматривавшая создание условий для укрепления рыночных институтов, инвестиций в цифровую инфраструктуру, развития технологий, человеческого потенциала и предпринимательства¹². В целях практической реализации положений стратегии Китай выступил инициатором создания специализированной институциональной структуры — Форума Бизнес-Альянса АТЭС по электронной коммерции¹³, секретариат которого был размещен в Пекине и получил статус постоянно действующего исполнительного органа.

КНР рассматривала данный механизм как инструмент развития взаимодействия между государственным и частным секторами, обмена информацией между экономиками АТЭС и продвижения электронной коммерции в различных отраслях. Дальнейшее институциональное оформление данного направления выразилось в проведении в 2006 г. в Циндао Технологической конференции и ярмарки малых и средних предприятий, а также в создании в 2010 г. экспертного совета Бизнес-Альянса электронной коммерции АТЭС. Параллельно Китай включился в работу рабочей группы ООН по вопросам трансграничной электронной коммерции. Возрастающая активность КНР в рамках АТЭС, особенно в области информационно-коммуникационных технологий, свидетельствовала о расширении внешнего компонента цифровой стратегии КНР.

Значимым элементом участия Китая в АТЭС стало лидерство в формировании повестки форума, прежде всего через проведение саммитов на своей территории. Статус принимающей стороны позволял КНР не только повышать собственный престиж и институциональный вес, но и формировать приоритеты обсуждений, привлекать политические, деловые и экспертные круги, а также развивать инфраструктуру международного уровня. Первый саммит АТЭС в Китае состоялся в 2001 г. в Шанхае под лозунгом «Новый век, новая экономика: развитие в условиях глобализации», однако события 11 сентября в США существенно скорректировали повестку, сместив акцент на вопросы борьбы с терроризмом и преодоления экономических последствий атак. Второй саммит, проведённый в Пекине в 2014 г., стал юбилейным — 25-м со дня основания АТЭС — и проходил в принципиально иных условиях: КНР к тому времени закрепила в статусе второй экономики мира, увеличив объём ВВП с 1,3 трлн долл. в 2001 г. до 9 трлн долл. в 2013 г.¹⁴ Саммит 2014 г., проходивший под девизом «Формирование будущего через Азиатско-Тихоокеанское партнёрство», зафиксировал активную роль Китая в продвижении инициатив по региональной интеграции и взаимосвязанности, что выразилось в принятии «Пекинской дорожной карты» и юбилейного заявления лидеров АТЭС¹⁵, а также в формировании направлений по созданию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и развитию инфраструктурной связности. Проведение очередного саммита АТЭС в Китае запланировано на 2026 г., что подтверждает устойчивость его лидерских позиций в рамках форума.

Важным направлением сотрудничества КНР в АТЭС стало формирование позитивного международного имиджа и продвижение

собственных ценностных установок. Существенную роль в этом контексте сыграло выдвижение на XVIII съезде КПК в 2012 г. концепции «Сообщества единой судьбы человечества», ориентированной на принципы равенства, взаимной выгоды, совместного процветания и подлинного мультилатерализма¹⁶. Данная концепция активно интегрируется в риторику Китая в рамках АТЭС, в том числе в выступлениях Си Цзиньпина на Саммите бизнес-лидеров АТЭС в 2021 г., где подчёркивалась необходимость отказа от односторонних подходов и укрепления инклюзивного регионального сотрудничества¹⁷.

Параллельно с многосторонней активностью в рамках АТЭС Китай последовательно развивал двусторонние интеграционные форматы с экономиками форума. С начала 2000-х гг. были заключены высокоуровневые соглашения о свободной торговле с Гонконгом и Макао, а в 2008–2010 гг. началась вторая волна двусторонней интеграции, включавшая соглашения с Сингапуром, Новой Зеландией и Чили. В 2015 г. были подписаны соглашения о свободной торговле с Австралией и Республикой Корея, продолжаются переговоры по формированию трёхсторонней зоны свободной торговли Китай — Япония — Республика Корея. При этом ключевыми инвесторами в регионе остаются страны формата АСЕАН+3, включая Японию, Республику Корея и саму КНР. Одновременно внешнеполитическая повестка Китая в АТЭС в 2010-е и 2020-е гг. формировалась в условиях усиления конкуренции с США, особенно на фоне протекционистского курса администрации Д. Трампа, что привело к формированию внутри форума двух неформальных центров притяжения — китайского и американского.

Отдельного внимания заслуживает влияние инициативы «Пояс и путь» на сотрудничество КНР в рамках АТЭС. Выдвинутая в 2013 г. идея Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века постепенно трансформировалась в крупнейшую глобальную платформу кооперации, объединившую 151 государство и 32 международные организации, с совокупным объёмом инвестиций порядка 1 трлн долл. США¹⁸. В контексте АТЭС данная инициатива усилила акцент Китая на развитии региональной взаимосвязанности, инфраструктуры, торговли и устойчивого роста, органично дополняя экономическую и интеграционную повестку форума.

Таким образом, основные направления сотрудничества КНР в рамках АТЭС охватывают цифровую трансформацию и инновации, развитие человеческого капитала, торгово-интеграционные процессы, институциональное лидерство, формирование позитивного международного имиджа, а также балансирование интересов развитых и

развивающихся экономик в условиях нарастающей конкуренции с США. В совокупности эти элементы формируют комплексную стратегию Китая в АТЭС, сочетающую прагматические экономические цели с долгосрочными нормативными и институциональными ориентирами.

Приоритеты и стратегия КНР на современном этапе

Для характеристики современного этапа взаимодействия КНР с экономиками АТЭС ключевым ориентиром выступает программная речь председателя КНР Си Цзиньпина на 31-й встрече экономических лидеров АТЭС¹⁹. В выступлении были обозначены три взаимосвязанных стратегических направления. Первое — открытость и региональная интеграция, предполагающие продвижение открытой экономики и многостороннего подхода, поддержку ВТО и многосторонней торговой системы, а также усиление роли АТЭС как «инкубатора» глобальных экономических и торговых правил. В практическом измерении эта линия увязана с укреплением взаимосвязанности региона и продолжением реформ через открытость, включая намерения по присоединению к соглашению о свободной торговле между странами АТР (*CPTPP*) и соглашению о партнёрстве в сфере цифровой экономики (*DEPA*), а также обновление соглашений о свободной торговле с Перу и АСЕАН. Важным эмпирическим подтверждением высокой взаимозависимости является структура инвестиционных потоков: в 2023 г. 81,8% прямых иностранных инвестиций в Китай поступило от экономик АТЭС, при этом пять из десяти крупнейших источников инвестиций — экономики АТЭС; одновременно 80,2% зарубежных инвестиций Китая направлялось в страны АТЭС, а шесть из десяти крупнейших направлений китайских прямых инвестиций — также экономики АТЭС, что отражает тесное экономическое взаимодействие Китая с региональными партнерами²⁰. При этом, выступая за устранение барьеров в международной торговле, Китай параллельно углубляет связи с Латинской Америкой и соотносит внешнеэкономическую политику с инициативой «Пояс и путь».

Второе направление — зеленые инновации и технологическое развитие — фиксирует стремление использовать научно-техническую революцию и индустриальную трансформацию как катализатор роста, расширяя кооперацию в сферах искусственного интеллекта, квантовой информации, биотехнологий и здравоохранения. В эту же логику вписывается продвигаемая Китаем «Глобальная инициатива трансграничного сотрудничества в области передачи данных», нацеленная на эффективный и безопасный трансграничный обмен данными. Третье

направление — инклюзивное развитие и развитие всеобщего блага — предполагает расширение экономического и технического сотрудничества через механизмы АТЭС, поддержку развивающихся стран и уязвимых групп, а также ориентацию на более справедливое распределение выгод экономического роста. В представленном подходе дипломатия КНР позиционируется как форма лидерства, стимулирующего сотрудничество между членами АТЭС и сочетание взаимодействия как с развитыми, так и с развивающимися экономиками, что трактуется как фактор достижения целей региональной интеграции. В совокупности эти акценты позволяют констатировать, что на современном этапе китайская повестка в АТЭС институционально закреплена и связывает экономическое, технологическое и энергетическое сотрудничество с принципами равенства, открытости и инклюзивности; в условиях текущей политики США данная дипломатическая рамка рассматривается Пекином как дополнительное преимущество. Одновременно Си Цзиньпин подписал Мачу-Пикчуанскую декларацию лидеров экономик АТЭС 2024 г.²¹, подтвердившую преемственность целей, зафиксированных в *APEC Putrajaya Vision 2040* и *Aotearoa Plan of Action*, направленных на формирование к 2040 г. открытого, динамичного, жизнеспособного и мирного Азиатско-Тихоокеанского сообщества.

Практическое воплощение современной стратегии КНР в АТЭС раскрывается через участие в реализации *Aotearoa Plan of Action (APA)*²² как прикладного механизма выполнения *APEC Putrajaya Vision 2040*²³. *APA* закрепляет три ключевых экономических драйвера: свободную и открытую торговлю, инновации и цифровизацию, а также устойчивый и инклюзивный рост. В 2024 г. Китай внёс 1 млн долл. США в новый субфонд АТЭС, ориентированный на продвижение цифровизации для зеленых переходов, что подчеркивает его приверженность целям *APA*²⁴. Кроме того, Китай поддерживает инициативы АТЭС по укреплению устойчивости цепочек поставок, включая третью фазу Плана действий по подключению цепочек поставок. На уровне конкретных инструментов и проектов эта линия проявляется в ряде примеров. Так, проектный воркшоп *Building a Resilient Public Health System Capacity for a Stronger Economic Recovery from the COVID-19 Pandemic*²⁵ задуман как инициатива китайской стороны с проведением в Пекине и ориентирован на цифровизацию здравоохранения, телемедицину и обмен практиками; его связь с *APA* прослеживается через блок инноваций и развитие человеческого капитала. Аналогичную логику инклюзивности через цифровизацию демонстрирует проект по цифровой трансформации МСП в формате *Public-Private Dialogue*²⁶, который соотнесён с

целями АРА по поддержке МСП и расширению доступа к цифровым решениям. В торгово-логистическом измерении значимым примером выступает проект *Workshop on Building an Eco-system Friendly for Application of Electronic Bill of Lading*, где главное внимание уделяется распространению практик *eBL* и цифровизации торговых документов. Это прямо коррелирует с целями АРА по повышению эффективности и устойчивости цепочек поставок. Дополняют данное направление проекты в рамках Политического партнерства по науке, технологиям и инновациям (*PPSTI*), ориентированные на повышение устойчивости цепочек поставок и переход к низкоуглеродной модели развития, что соответствует третьему направлению *Putrajaya Vision 2040*, связанному с устойчивым ростом.

Наконец, китайская стратегия на современном этапе оформляется как многоуровневая модель сопряжения участия в АТЭС с внешними региональными архитектурами — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП – *RCEP*), инициативой «Пояс и путь» (*BRI*) и форматом БРИКС — с целью формирования взаимодополняющей структуры сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе²⁷. В рамках ВРЭП подчеркивается линия на углубление торговой интеграции и снижение барьеров: в 2023–2024 гг. объем торговли Китая с партнёрами по ВРЭП достиг примерно 1,7 трлн долл. США²⁸. Китай заключил более 200 соглашений с более чем 150 странами и 30 международными организациями в рамках Инициативы «Пояс и путь»²⁹, развивая элементы «цифрового шелкового пути». В формате БРИКС подчеркивается продвижение принципов многополярности и инклюзивного роста; в качестве примера приводится инициатива по сопряжению повесток БРИКС и АТЭС в сферах цифровой трансформации, зеленых инвестиций и реформирования глобальной финансовой системы, а также использование инструментов Нового банка развития для поддержки низкоуглеродных проектов. Тем самым сопряжение участия КНР в АТЭС с форматами ВРЭП, инициативой «Пояс и путь» и механизмами БРИКС выходит за рамки внутренней повестки форума и может рассматриваться как расширение практической реализации целей *Putrajaya Vision 2040* и *Aotearoa Plan of Action*, способствующее формированию более устойчивой и взаимозависимой региональной архитектуры.

Таким образом, в отличие от США, которые все чаще рассматривают торговые и технологические режимы как инструмент стратегического давления, Китай использует АТЭС как пространство «мягкого институционального конструирования». Китайский подход в АТЭС

ориентирован на практическую масштабируемость цифровых и инновационных решений и ускоренное включение менее развитых экономик в региональные цепочки создания стоимости. Для стран АСЕАН такая модель оказывается функционально привлекательной, поскольку позволяет сочетать экономическую выгоду и сохранение стратегической автономии без жесткой привязки к блоковой логике, хотя одновременно усиливает структурную асимметрию взаимозависимости с КНР. Сопряжение участия Китая в АТЭС с внешними архитектурами — ВРЭП, инициативой «Пояс и путь» и форматом БРИКС — дополнительно расширяет данный подход, трансформируя форум из площадки координации в элемент более широкой региональной конфигурации, где цифровая, инфраструктурная и торговая связанность используются как инструменты стабилизации и воспроизводства многостороннего порядка. В результате современная политика КНР в АТЭС представляет собой не просто наращивание влияния, а попытку институционально закрепить такую модель регионального сотрудничества, которая одновременно ограничивает фрагментацию, допускает активную государственную промышленную и технологическую политику и усиливает роль Китая как системообразующего актора в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать устойчивую эволюцию участия КНР в АТЭС: от адаптационного встраивания в региональные механизмы в 1990-е гг. к роли одного из системообразующих акторов, оказывающих влияние на практическую и институциональную повестку форума в XXI веке. В целом современная стратегия КНР в АТЭС направлена на закрепление многостороннего, инклюзивного и гибкого регионального порядка, сочетающего экономическую взаимозависимость с сохранением пространства для активной государственной политики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

БОКЕРИЯ Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры ТИМО, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ГЛЕБОВА Полина Александровна, РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. BOKERIA, PhD (Law), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN, Moscow, Russia

Polina A. GLEBOVA, RUDN, Moscow, Russia

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

The article was submitted 01.04.2026; approved 22.04.2026; accepted to publication 30.04.2026.

¹ China's trade with other APEC economies hits record high in Jan.-Oct. // State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202411/13/content_WS56734a705c6d0868f4e8ece86.html

² How Has the Region Benefited? // APEC. URL: <https://www.apec.org/about-us/about-apec/achievements-and-benefits>

³ Цвык А. В. Экономическая дипломатия Китая: основные черты // РЭИУ. 2013. №1 (33). С. 6.

⁴ APEC at a Glance // APEC. URL: <https://www.apec.org/docs/default-source/Publications/2005/12/APEC-at-a-Glance-2005/Apecglance091105.pdf>

⁵ China - Tariff rate // Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/china/tariff-rate>

⁶ Экономика Китая - место Китая в мировой экономике. // KM.RU. URL:

<https://www.km.ru/referats/334715-ekonomika-kitaya-mesto-kitaya-v-mirovoi-ekonomike>

⁷ 1994 Leaders' Declaration. // APEC. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/1994/1994_aelm

⁸ 1995 APEC Regional Science and Technology Cooperation Ministerial Meeting // APEC. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/sectoral-ministerial-meetings/scienceandtechnology-cooperation/1995_science

⁹ 江泽民主席在 APEC第四次领导人非正式会议上关于科技合作的发言（一九九六年十一月二十五日，苏比克）// Министерство иностранных дел КНР.

URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzq_681964/lhg_682278/xgxw_682284/200011/t20001107_9383814.shtml

¹⁰ Appendix 2 - e-APEC Strategy // APEC. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2001/2001_aelm/appendix2_eapec_strategy

¹¹ China and APEC // Beijing Review. URL: https://www.bjreview.com/special/2014-07/11/content_629070.htm

¹² e-APEC Strategy, October 2001 // АТЭС.

URL: <https://www.apec.org/Publications/2001/10/eAPEC-Strategy-October-2001>

¹³ Вороновская Е.В., Ашмарина Т.И., Ли Сюэ Фенг. Китай в интеграционном поле АТЭС // Право и управление. 2023. №12. С. 72.

¹⁴ Портяков В. Возвышение Китая: что дальше? Перспективы внешней политики КНР в следующие десять лет // Россия в глобальной политике. 2014. №3.

¹⁵ 2014 Leaders' Declaration // АТЭС. URL: https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2014/2014_aelm

¹⁶ Верченко А.Л. Китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 71–83.

¹⁷ Си Цзиньпин выступил на Деловом саммите АТЭС // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/11/11/si-czinpin-vystupil-na-delovom-sammite-ates.html>

¹⁸ Xi Story: A Transformative Speech that Gave Rise to Belt and Road Initiative // Xinhua News Agency. URL: <https://english.news.cn/20230516/8e5c49a736824af5a2b7ad8d1740c439/c.html>

¹⁹ Full Text: Address by Chinese President Xi Jinping at 31st APEC Economic Leaders' Meeting // State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202411/17/content_WS67390fd8c6d0868f4e8ed0ee.html

²⁰ China's trade and investment with other APEC members in 2023 // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2024-12-04/China-s-trade-and-investment-with-other-APEC-members-in-2023-1z3lMkuDvm8/p.html>

²¹ 2024 APEC Leaders' Machu Picchu Declaration // APEC. URL: <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2024/2024-apec-leaders'-machu-picchu-declaration>

²² Annex: Aotearoa Plan of Action // APEC. URL: <https://www.apec.org/meeting-papers/leaders-declarations/2021/2021-leaders-declaration/annex-aotearoa-plan-of-action>

²³ Aotearoa Plan of Action // APEC. URL: <https://aotearoaplanofaction.apec.org/>

²⁴ China Contributes Funding to Promote Digitalization for Green Transitions. // APEC. URL: <https://www.apec.org/press/news-releases/2024/china-contributes-funding-to-promote-digitalization-for-green-transitions>

²⁵ Building a Resilient Public Health System Capacity for a Stronger Economic Recovery from the COVID-19 Pandemic // APEC Project Database. URL: <https://pdb.apec.org/Lists/Proposals/DispForm.aspx?ID=6282>

²⁶ APEC Public-Private Dialogue: Advancing MSMEs' Digital Transformation for a Balanced, Sustainable and Inclusive Growth // APEC Project Database. URL: <https://pdb.apec.org/Lists/Proposals/DispForm.aspx?ID=6676>

²⁷ Потапов М., Котляров Н. Эволюция подходов Китая к экономической интеграции в АТР // Мировая экономика и международные отношения, 2024, т. 68, № 2, сс. 63-72.

²⁸ China hails trade, investment achievements of RCEP at three-year mark // State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202501/10/content_WS67805bbbc6d0868f4e8eea63.html

²⁹ Key takeaways from BRI white paper // State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202310/11/content_WS6526994fc6d0868f4e8e024a.html